

Содержание

От автора	7
Самое важное.....	11
Предисловие	12
ВАДИМ АНДРЕЕВ	15
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН.....	24
МИХАИЛ БОЯРСКИЙ.....	37
ВАДИМ ВЕРНИК.....	47
АЛЕКСАНДР ВОРОШИЛО.....	56
АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН — МЛАДШИЙ	67
ВЛАДИМИР ГРАММАТИКОВ	75
ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВ («ДЯДЯ ЮРА»).....	92
ЛЕОНИД КАНЕВСКИЙ.....	99
ЮРИЙ КАРА	108
ПАВЕЛ ЛУНГИН	115
ЕВГЕНИЙ МАРГУЛИС	125
ВЛАДИМИР МАШКОВ.....	130
МАКСИМ НИКУЛИН.....	132
ИВАН ПАНФИЛОВ.....	144

СЕРГЕЙ ПРОХАНОВ.....	155
ВЕНИАМИН СМЕХОВ.....	160
ЕВГЕНИЙ СТЕБЛОВ.....	175
ЮРИЙ СТОЯНОВ.....	181
ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ.....	192
ВЛАДИМИР ХОТИНЕНКО	199
НИКОЛАЙ ЧИНДЯЙКИН	209
ПАВЕЛ ЧУХРАЙ.....	215
АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ.....	228
МИХАИЛ ШИРВИНДТ.....	237
АНТОН ЯКОВЛЕВ	253
Благодарности.....	270

От автора

Мой папа был, конечно, гусар. Эффектный и объективно красивый мужчина. Всегда одетый нарядно, но уместно. Женщины сворачивали головы ему вслед, и это было в порядке вещей. Цветная обувь и пиджаки, вельвет и шерсть, импортное и привезенное из Москвы (мы жили в Саратове), купленное в магазине и добытое где-то с рук. Мама была такой же, поэтому ничего удивительного, что главные байки моего детства были об одежде. О том, как блистательно выглядели родители в годы своей юности — в 70-е и начале 80-х, до моего рождения. Они без конца говорили о вещах, которые с азартом добывали / продавали / дарили / прожигали своими импортными сигаретами или попросту теряли. О впечатлениях, которые производили их образы на других. Это были бешено витальные и, как потом оказалось, абсолютно бессюжетные истории о желании, радости и жажде жизни. О какой-то фантастической легкости бытия.

Папа умер летом 2021 года, уже после ковидного 2020-го, в красной зоне больницы. Когда схлынули все волны шока, стало ясно, что наряду со всеми прочими потерями я больше не слышу историй. Их стало не хватать до такой степени, что я решила поговорить с актерами и режиссерами, чья юность пришлась на позднесоветский период. Почему с ними? Ну, во-первых, их молодость — это мое детство. Я видела их в кино и по телевизору

и фактически росла с ними, как, впрочем, и все мы. Во-вторых, это ровесники моих родителей — жили в те же годы в той же стране, — наши общие отцы. Бесед с женщинами я как-то и не искала — снова и снова обнаруживала напротив себя (иногда по видеосвязи или в телефонной трубке) плюс-минус ровесника моего отца, который рассказывал о совершенно конкретных вещах. И их истории заполняли в моей душе вакуум, возникший после ухода папы. Так в этой книге оказались только герои-мужчины.

Очень быстро стало понятно, что столь объемный материал попросту не может не сложиться в книгу. Стало ясно также, что она будет не только про одежду. Ведь вспоминалось самое разное: резиновые лодки и гитары, холодильники и колбаса, видеоманитофоны и гастролы. Конечно, джинсы! Эмоции. Радость и желания. Никто из тех, с кем я говорила, не повторялся, картина на глазах становилась объемной и полифонической, отражая уникальный опыт целого поколения. Если разговор складывался удачно, то вскоре после его начала герой интервью молодец лет на 45, а я оказывалась путешественницей во времени, обнаруживая себя в конце 60-х или середине 70-х. Нырять раз за разом в чужую жизнь, изучала топографию своего и других городов, видела магазины, которых уже давно нет, и маленькие уютные квартиры. А еще — целую галерею выдающихся людей, с которыми моим не менее выдающимся собеседникам довелось иметь дело. Например, Олег Павлович Табаков и Андрей Александрович Мионов — герои, появившиеся в книге, не сказав ни слова. Так оживали эпоха и ее действующие лица.

Я думала, что папа, наверное, умер бы от счастья, если бы узнал, что я хочу посвятить ему книгу. Кстати,

очень долго не рассказывала маме, что и зачем делаю, — кажется, из близких она узнала вообще последней. Выслушав мою идею, она помолчала и сказала: «Ты знаешь, если бы отец мог, он бы сейчас наверняка воскрес». Я бы сказала, что во мне в этот момент что-то надломилось. Вернее, не во мне, а вокруг. Буквально на глазах, без всяких спецэффектов и без капли пафоса, любовь в ту секунду оказалась сильнее самой смерти.

Надеюсь, что эта книга поможет вам попасть в другое время. Возможно, помолодеть и ощутить легкость движений — пережить приключение. Вспомнить себя или поделиться воспоминаниями. Я начинала писать ее, будучи беременной, а сейчас, когда печатаю последние строчки, рядом спит мой двухлетний сын. Эта книга — о семье и нашей общей, коллективной памяти, о крупицах, которые нужно собирать, беречь и передавать дальше. Она совсем не о дефиците вещей. Это просто повод поговорить, даже не о чем-то конкретном. Вообще — поговорить. В конечном счете, главный дефицит, который мы испытываем, — дефицит общения, любви и открытости, которых раньше было пусть не в избытке, но, кажется, гораздо больше. Как сказал в интервью один из героев — «накормить душу оказалось сложнее, чем заполнить полки в магазинах».

Я желаю вам, чтобы самое важное никогда не было в дефиците.

Чтобы у вас всегда были любовь и искренность.

И чтобы вы никогда не думали, что в чем-то таком нуждаетесь.

А джинсы — ну ясно же, что это всего лишь штаны.

Самое важное

Самое важное — то, что происходит здесь и сейчас. Но не менее важно и то, насколько хорошо мы помним прошлое. Истории наших семей и друзей открывают богатейшую картину того, как жили наши предшественники. Воспоминания артистов, для которых наблюдательность — основа профессии, — одни из самых точных инструментов фиксации событий той или иной эпохи. Это и есть самое значимое в сборнике: воспоминания, в которых можно узнать своих отцов, друг друга, а где-то — оглянуться на самого себя. И когда мы вспоминаем наше общее прошлое, это объединяет нас — граждан одной большой страны. В пережитом, хорошем и плохом, мы остаемся собой, и в этих воспоминаниях мы вечно молодые и бесконечно родные друг другу.

Владимир Машков,
актер, режиссер, сценарист, продюсер,
народный артист Российской Федерации, художественный
руководитель Театра Олега Табакова и театра
«Современник»

Предисловие

В Советском Союзе нехватка самых простых повседневных товаров была повсеместным явлением, характерным для плановой экономики. Нынешние двадцатилетние не могут себе даже представить, что полвека назад в мире, в целом не так уж сильно отличающемся от нашего, был возможен дефицит. Я помню его: времена тотального отсутствия всего на магазинных полках в середине 80-х, в стране моего детства. У людей были деньги, но ресурс был распределен так, что самых обычных потребительских товаров могло не хватать — или попросту не было.

Это касалось самого элементарного. Сахара, рыбы, сливочного масла. Овощей, картошки. Туалетного мыла и зубной пасты. Ситуация с постельным бельем, колготками, одеждой, обувью, электрическими лампочками была очень непростой. Стиральные машины считались предметом роскоши: для того чтобы их приобрести, нужно было получить талон на предприятии, где вы работаете, и записаться в очередь — не простую магазинную, а с длительным ожиданием, которое могло растянуться на годы. Аналогично обстояло дело с прочей бытовой техникой, автомобилями, посудой, косметикой и другими товарами народного потребления. Ситуация усугубилась в 1970-х и стала особенно острой в 1980-х.

Сейчас очевидно, что причины были системными. Централизованное планирование производства предполагало

строгое следование плану. Однако существовавший план практически не учитывал реальные потребности людей. Цены держали на искусственно низком уровне. Спрос хронически превышал предложение.

Крупные города снабжались лучше — прежде всего это касалось столицы. Жителям провинции и отдаленных регионов нужно было всегда куда-то ехать, чтобы купить одежду, мебель, туалетную бумагу, батон колбасы... При такой диспропорции улучшать качество товаров и сервиса не было никакого смысла. Колбаса «из бумаги», хамство работников торговли, способы доставания самых разных вещей — все это становилось неисчерпаемым источником для большого числа анекдотов. Советский человек постоянно боролся за право обладания товарами «второй необходимости», а очереди были повседневным явлением. Порой люди даже не знали, что именно должны «выкинуть» в продажу, и стояли просто на всякий случай. Проблема была не временной — так жили абсолютно все.

Дефицит — этим понятием обозначались не только вещи или продукты; это и рукастый сантехник, и хорошая портниха, это возможность постричься и сделать укладку у нормального мастера, суметь попасть в ресторан или отправить ребенка в пионерский лагерь; это детский сад с нормальными условиями и более высокое качество медицины, это билеты в театр, на поезд или самолет, это путевки на юг... Так жила вся страна — доставая, договариваясь, покупая впрок все, что удавалось раздобыть: ведь в другой раз выгодная возможность могла не подвернуться. Социальные связи на всех уровнях выстраивались с учетом полезности всех участников процесса и максимальной осторожности в плане ответственности

перед законом — спекуляция была делом уголовно наказуемым. Система сдержек и противовесов, своеобразного бартера, чрезвычайно стимулировала гибкость мышления граждан и очень выручала, когда требовался талон, карточка на продукты или блат, помогающий раздобыть кухонный комбайн или путевку в санаторий. Об этом удивительном и прекрасном времени молодости родителей нынешних сорокалетних написана эта книга.

Эпоха дефицита закончилась в 1990-х, в постперестроечное время, когда открылись границы и на территорию бывшего СССР хлынул поток импортных товаров. Но это уже совсем другая история.

Вадим Андреев

Советский
и российский
актер театра, кино,
телевидения
и дубляжа, режиссер
дубляжа и диктор

Всю мою учебу, с 1975 по 1979 год, у меня была несбыточная мечта: настоящие американские джинсы, которые можно было купить только у спекулянтов за сумасшедшие деньги — 120, а то и 150 рублей. Мечта осуществилась уже после ВГИКа и армии: помню свое счастье, когда наконец купил не то «левайсы», не то что-то подобное.

С «Березками» я никогда дела не имел: побаивался всего, что связано с валютой. Но существовали комиссионные магазины, куда люди, имевшие доступ к заграничным вещам, сдавали пусть не новое, но интересное. И я помню, что я купил себе исландскую дубленку за 650 рублей в очень хорошем состоянии! Дубленка в те времена считалась признаком достатка. Она была чуть велика, но так хороша, что меня это не смутило. Тогда мы были дружны с Михаилом Ивановичем Пуговкиным и ездили с ним на концерты по провинции. Пуговкин хорошо одевался — он был пижон. Увидел мою дубленку и говорит: «Вадя, я тебя умоляю, продай». Но я — при всей своей любви к Михаилу Ивановичу — все-таки ее не продал, уж очень она мне нравилась.

А когда мы ездили по Сибири, то получали там доступ на закрытые обкомовские базы, в том числе книжные! Папа собирал книги, и я их тоже любил. Там можно было достать то, чего не было в свободной продаже, а книги приобретать так и вовсе ящиками. Помню одну базу в городе Черемхово под Иркутском, где был какой-то угольный разрез. Нас, артистов, запустили на эту базу, на которой было снабжение из Японии. Я помню, что купил там кроссовки на липучках (это было что-то!), вельветовый костюм и куртку-аляску! Все это было при Брежневе и Черненко, в догорбачевские времена.

Всю жизнь я мечтал о машине. В начале 1985 или в конце 1984 года в Южном порту был автомагазин, куда я просто заезжал посмотреть на машины, ведь денег особо не было. И вдруг там объявили запись на новые «Запорожцы»! Я записался и ждал эту машину девять месяцев: 968М, красненький. Зато за это время у меня была

Стоил этот автомобиль 3965 рублей. Я был безумно счастлив: появилась своя машина! В то время она была признаком достатка, даже «Запорожец». Можете себе сейчас представить очередь на «Запорожец»?!

возможность подкопить денег. Стоил этот автомобиль 3965 рублей. Я был безумно счастлив: появилась своя машина! В то время она была признаком достатка, даже «Запорожец». Можете себе сейчас представить очередь на «Запорожец»?! А новые «Жигули» — это был вообще невозможный шик!

В Союзе кинематографистов, в который я как раз вступил на студии имени Горького, существовали нереальные очереди на машины. Там можно было ждать годами. Моя мама работала на заводе в районе Сушевского Вала, и заводским выделяли автомобили чаще, чем актерам. Однажды она мне позвонила (1987 год был за окном) и сказала: «Слушай, сынок, тут можно записаться и через пару месяцев получить “восьмерку”». Тогда только вышла восьмая модель «Жигулей». Их никто не брал, их обзывали «зубилами»*, и все хотели классические «Жигули». Я говорю: «Мама, записывайся!» И совсем скоро купил себе новую «восьмерку»-зубило.

Моя первая поездка за границу была в Берлин, с Татьяной Лиозновой. Это был 1986 год, я снялся в ее последней картине «Конец света с последующим симпозиумом»: телевизионный фильм, три серии, я играл главную роль. Нас пригласили (ну то есть, конечно, ее, как известнейшего режиссера) в ГДР на премьеру на целых 10 дней. Я ездил в райком партии, первый секретарь задавал мне вопросы, а я отвечал — проверяли мою благонадежность. Хотя и так понятно было, что меня бы выпустили, это ведь было

* Прозвище возникло из-за клиновидного силуэта либо из-за облицовки радиатора. Острые грани, скошенный передний бампер создавали визуальную ассоциацию с зубилом. — *Здесь и далее прим. ред.*

официальное приглашение, тем более с великой Лиозновой. Татьяна Михайловна снимала в Берлине «Семнадцать мгновений весны» и прекрасно знала город. А я помню свое безумное волнение в «Шереметьево-2». Жена моя отвезла нас на нашей машине в аэропорт. Красивый международный терминал... Господи, туда и входить-то было страшно! Потом все эти пограничные волнения: ведь я вез с собой огромные деньги — нам давали смешные суточные, но дополнительно можно было поменять на немецкие марки 500 рублей! И вот я поменял и с этой кучей денег прилетел в ГДР.

Татьяна Михайловна никуда не ходила, она сидела в своем номере в российско-немецком Доме дружбы, а на местном кабельном с утра до вечера крутили наш фильм. Я был страшно растерян, но у нас был товарищ, наш сопровождающий, и его жена. Она говорила по-немецки, водила меня по городу. И когда я увидел эти магазины... В них было все что хочешь — чай «Липтон» в пакетиках! Одежда! Обувь «Саламандра»* (тогда как у нас в основном «выкидывали» финскую или югославскую)! Помню, как у меня разбегались глаза. Я купил какой-то обуви, всякой одежды, и это в ГДР, а не в ФРГ! Помню, подходил к Берлинской стене. Она была высокая, но я, дурачок, хотя мне было под 30 лет, хотел подпрыгнуть и заглянуть — посмотреть, как живут там, в Западном Берлине. Я не увидел его, конечно. Но и впечатление от Восточного было шоковым. Домой надо было везти подарки, а денег, как оказалось, у меня не так-то

* Обиходное название продукции немецкого производителя обуви Salamander.

и много. В итоге вез те же самые чаи, который сейчас везде продаются. Господи, пакетики — это был такой подарок для людей! И я сам, помню, раз по пять заваривал один пакетик! Как ни странно, когда границы открылись, я оказался не особенно любопытным в познании мира и не так много поездил. Не был ни в Париже, ни в Лондоне, зато Германию в нулевых проехал с гастрольями, а на выходных заезжал в Амстердам и Страсбург.

Мои родители были скромными людьми: папа — инженер, мама — бухгалтер. У них не было фантастических доходов. Когда я был подростком, они были в долгах как в шелках, потому что купили дачу и начали ее обустраивать. Тем временем я занимался в Театре юных москвичей при Дворце пионеров. 8–9 классы — это уже тусовочка, уже какие-то девушки и влюбленности. Конечно, хотелось хорошо одеваться, но такой возможности не было. Помню, как в 10 классе готовился к встрече после каникул — у меня было совсем плохо с одеждой. Моя бедная мама поняла это и стала шить мне брюки, не учтя того, что делала это не на машинке. Я доехал до места, сел, и швы стали расходиться. Это был кошмар. Потом мои родители поняли и что-то мне купили, например джинсы — не американские, конечно, а индийские. Так что ко ВГИКу я уже выглядел более или менее. Но в целом это было довольно бедненько. Уже во ВГИКе было много мажоров — некоторые студенты приезжали на своих машинах, хотя были и как я, нищие. Но, в общем, тогда на это было наплевать — преподаватели смотрели на то, что ты можешь, что показываешь на сцене или снимаешь. Чудесное время, нематериальное — мы не заморачивались и репетировали в институте с утра до ночи.

С продуктами тогда была беда: мы-то в Москве, а родители жены жили в Балашихе и работали на заводе. У них выходные проходили в штурме автобусов до Москвы и в очередях в продуктовых за мясом и колбасой на неделю. И не копченой, а обычной вареной: любительская, докторская, если повезет, или отдельная* (жуть жуткая, воняющая чесноком). Зато на студии Горького, где я работал, была очень хорошая кулинария — всякие гуляши-эскалопы. Что такое очередь в кулинарию на студии Горького? В ней стояли Тихонов, Юматов, Милляр, чтобы купить, условно, азу или гуляш. Теперь мы бы это есть не стали. Сейчас открывается много ностальгических заведений, вроде «чебуречных», но то, что мы ели тогда, — это ведь было плохо.

В рестораны попасть было невозможно. Главные люди были кто? Швейцары. Там, может, и места есть, но он же стоял горой! Нужно было дать пятерку, а пять рублей — это большие деньги. На Пушкинской площади, где был Союз театральных деятелей, находился ресторан ВТО, который потом сгорел, и он, в отличие от многих, работал до 24:00. Я не был членом Союза, но бывал там: ведь лицо узнаваемое, ну или с кем-то идешь. В 1985 году я вступил в Союз кинематографистов и был счастлив, потому что по этому членскому билету мог проходить в ресторан Дома кино. Это было «вау!». Я бывал там и до этого, но с билетом мог туда ходить спокойно. Это была невероятная крутизна.

* Вареная колбаса первого сорта, из высококачественной говядины, нежирной свинины и шпига. В Советском Союзе ее выдавали в пайках партийным работникам, продавали в праздничные дни.

Помню 40-й гастроном на Лубянке*. Перед праздниками типа 7 ноября я был в числе тех, кто подходит с заднего крыльца и получает хороший финский сервелат, шпроты и баночку икры. Какие люди там стояли! И Лев Дуров, и Леонид Броневой, и кого только не было! Все как миленькие приходили к директору магазина. Все, кто сидел на дефиците, были главными и привечали известных артистов, отгружая продукты с барского плеча. Уже в 80-х годах моя жена устроилась работать в универсам в Царицыне. На несколько лет проблема с продуктами для меня была решена — ходить к задней двери было не нужно.

В начале 80-х у меня появился видеоманитофон: купил советскую «Электронику ВМ12». На Ленинском был магазин, нужно было выстоять очередь в полгода. Он стоил 1200 рублей, а у перекупщиков можно было взять сразу за 1600, что я и сделал. Тогда с этим был безумный ажиотаж, они мало у кого были. В порядке вещей был обмен кассет: купишь три штуки и потом меняешься. У меня были знакомые фарцовщики. Они могли позвонить в девять вечера и сказать: есть пара фильмов, но надо посмотреть до утра. Возьмешь? И я срывался и летел через весь город в Медведково. Попадались хорошие фильмы типа «Сияния» или «Крестного отца». А в основном — «Терминатор», «Рэмбо» и то же, что смотрели все. Я звонил друзьям, говорил: «Дали кассеты, приходите, надо посмотреть до утра», и в моей хрущевке набивалось человек по 20 — все курили и смотрели кино до утра. Бывало, кто-то из знакомых, у кого не было магнитофона, приходил посмотреть

* Гастроном №40 в советские времена располагался в здании общества «Динамо» по адресу: Большая Лубянка, 12.

добытые кассеты. И ведь были же еще облавы на предмет порно! Милиция знала, у кого есть магнитофон, — вырубали свет в подъезде, входили в квартиру, потом включали свет. И включалось то, что ты в этот момент смотрел: «Эммануэль», например, и т.д. Можно было получить штраф. Сам я с таким не сталкивался, но мне рассказывали. Ну а потом я купил японский магнитофон.

У меня ностальгии по временам дефицита нет. Есть — по молодости и людям, которые были добрее. Москва была домашняя и хлебосольная. Я родился и жил на Сретенке, это был уютный и теплый город. У нас не было решеток на окнах на первом этаже, не было железных дверей в подъезде, да они и не закрывались толком. Друг к другу ходили за солью и сахаром. Не было жажды наживы в глазах! Материальное не было на первом месте, можно было всем двором что-то отпраздновать. Праздник был праздником — на Первое мая мы шли от Рижской пешком до Красной площади: проходишь по брусчатке в радостной толпе, приветственно машешь рукой, идя мимо Мавзолея и потом спускаешься к метро. Здорово как-то было!

Владимир Березин

Советский
и российский
диктор, актер,
тележурналист,
теле-
и радиоведущий

В свою первую поездку за рубеж я отправился в середине 80-х. Мне дали путевку в награду за активную общественную деятельность. Я был молодым телевизионным диктором в Свердловске, одним из первых стал работать на сцене. У публики появился ко мне интерес, заметили меня и на уровне руководителей региона, в числе которых была

Наина Иосифовна Ельцина — супруга Бориса Николаевича. Меня выбрали основным ведущим всех главных праздников в году: день рождения В. И. Ленина, торжественное заседание, посвященное 75-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, или, к примеру, день города Свердловска.

В те времена, где-то в середине 80-х, поехать за границу было не «купил-поехал». В какой-то момент я достиг, как теперь говорят, такой медийности, что меня попросту спросили: «А вы были за границей?» За границей! Кто меня туда пустит?! Надо было получить загранпаспорт и выкупить путевку. И мне сказали: «О! Давай, чтобы это было бесплатно, ты поедешь руководителем группы в Румынию, Болгарию, Югославию и Венгрию». Обычно надо было сначала съездить в Болгарию, потом выпускали уже подальше. А тут меня выпустили в круиз по Дунаю, в программе были и социалистические, и капиталистические страны: пароход заходил в несколько портов. Я хорошо это запомнил, потому что привез оттуда то, на что хватило денег: фен для волос. Это была такая трубка, кажется, даже без насадки, которой мы пользуемся сейчас, чтобы сформировать укладку. В то время в СССР фенов не было даже как понятия. Их просто не продавали. А мне он был очень нужен, чтобы делать укладку для работы. Жена сказала: «Бери, я заодно тоже буду сушить волосы». Нам давали на обмен 30 рублей: выбирай любую страну. Что можно было купить? Я разделил эту сумму на Югославию и Венгрию, по 15 рублей. Фен ровно столько и стоил. Еще купил какие-то маленькие конфеты жене, а дочери — переводные картинки.

Денег на одежду дикторам у нас не выделяли. На ЦТ* мужчинам раз в два года позволяли шить костюмы или покупать где-то в секции ЦУМа. Девушкам шили чаще — это был в своем роде Голливуд телевидения. В провинции такого не было. Но нужно было хотя бы раз в несколько лет покупать костюм! Он стоил 150 рублей — целая месячная зарплата какого-нибудь начинающего диктора. Я получал 170 — казалось бы, должно было остаться еще 20 рублей! Но я покупал костюмы за 200–250. Дело в том, что моя жена отнесла в ломбард мамино наследство: заложила безвозвратно золотое кольцо. И я шел, где-то что-то покупал. Искал на барахолке — а где еще его возьмешь, если нужен действительно качественный костюм? Чтобы купить себе какую-то стоящую вещь, не как у других и быстро, нужно было поехать на барахолку, что мы и делали. Помните: «В стране ничего нет, но в холодильниках есть все»? Это закон. В стране ничего нет, но люди одеваются, тратят деньги, покупают, перекупают, возят какие-то вещи из-за границы, продают дороже, чтобы как-то их окупить, и т.д.

Я каким-то образом записался на прием к директору Центрального универмага города Свердловска, и он меня принял! Я принес письмо от руководства телевидения, что нам нужно покупать вещи. Потому что если бы я покупал и перепродавал, можно было схлопотать какую-нибудь статью за то, что делаешь это в спекулятивных целях и т.д. Запросто! А тут нас прикрепили к магазину как телевизионщиков, и мы приезжали втихаря один раз весной, летом, осенью и зимой, ходили в какие-то подсобки, нам приносили костюмы, мы смотрели, что-то забирали,

* Центральное телевидение СССР.

потом подгоняли под себя в ателье. Затем мы с директором универмага подружились, и я, когда уезжал в Москву, пошел попрощаться и поблагодарить. Он говорит: «Приходи завтра, я тебе кое-что с собой дам, надо же как-то устраиваться». Я говорю — хорошо. Пришел, а Михаил Дмитриевич, так звали директора, вывалил мне на стол четыре дубленки. «Михаил Дмитриевич, у меня нет таких денег!» — «Да ладно, бери так. Это тебе от Свердловска, за то, что радовал нас здесь 10 лет! Что-то оставишь себе, а остальное продай!» Мне такое даже в голову не приходило. Это 81-й год. А еще он мне подарил роликовые коньки. Мои размеры там знали, ведь я покупал в этих отделах одежду и обувь много лет. Спрашиваю: «А что это?» Он говорит: «Это сейчас модно очень, отдашь в комиссионку». Ну, я, правда, не отдал, они у меня долго лежали, и кому-то подарил. Это уже было в 1991-м, они дорого стоили. Это потом их стало много.

Помню свой костюм песочного цвета, югославскую тройку. Он был дорогой и стоил своих денег: служил мне лет пять, а может, и семь, учитывая, что я работал в нем на сцене и на съемках концертных программ. Кстати, у режиссеров этих обкомовских концертов всегда были комментарии: «А что это у вас светлый костюм? Надо бы что-то строгое, темненькое!» Еще пеняли на югославские бордовые туфли. Я их купил в магазине на Ленинском, отстоял спираль очереди! Других там тогда просто не было, «выбросили» туфли такого цвета. «Посмотри, в каких он туфлях», — оскорбительно говорил режиссер. А это был, кстати, брат Александра Демьяненко, он работал директором филармонии, которая организовывала такие концерты. Он плохо видел, и все ему не нравилось.

Все, что касалось приобретения одежды, парфюмерии или стильной обуви, — это всегда было или с рук, или кто-то принес, а еще таким занималась наша парикмахерша. Я выбил ставку парикмахера, когда стал старшим диктором, в моем подчинении было 12 человек. В нашей профессии важно быть известным и любимым, тогда у тебя больше прав. Можно было попросить какие-то вещи у друзей: скажем, одалживаешь галстук и обещаешь сказать, когда эфир, чтобы человек посмотрел и узнал свой галстук. У меня в комсомоле были друзья — фарцовщики, как теперь понятно. Поедут в какую-нибудь комсомольскую поездку, привозят оттуда галстуки, а я одалживаю. У нас в стране большого разнообразия цветов не было.

Многие дикторы становились иконами стиля. Они разбирались в одежде, консультировались, понимали уровень требований под каждый формат. Сейчас, когда на каком-нибудь канале ведущая новостей работает в кадре с голыми руками и разрезом, — это неуместно, а потому очень печально. Ведь есть закон жанра! Его составляют определенные требования и рамки.

Я начинал свою карьеру в Орле. Тогда все было тарифицировано, и мне дали третью категорию диктора. На радио и телевидении дикторов было всего четверо. Девушки всё думали, как купить какую-то одежду, — неужели придется тратить свои на эфирный гардероб? А он ведь только для работы! Я пошел к главной бухгалтерше. Зашел в кабинет, она ест гречневую кашу с мясом, запах на весь кабинет. Объясняю ей, в чем дело. «Зачем вам это?» — спросила она. Я говорю: «Да не мне — девочкам. Люди же смотрят телевизор, им нужно видеть красивое». «Зачем? — удивилась бухгалтерша. — Люди приходят домой с работы

уставшие, включают телевизор. И вот муж смотрит на дикторшу, потом смотрит на жену, которая работает на заводе и не похожа на телеведущую, и думает — зачем она мне? Поэтому дикторы должны быть одеты так, чтобы не привлекать внимания! Один раз и на всю жизнь». Вот такая философия, она уравнивала зрителя и диктора.

Главный режиссер местного телевидения сказала мне, что диктор из меня не получится, нет таланта. «Подумайте о смене профессии!» Я был ранен в самое сердце, но как же благодарен ей по сей день! Долгие годы отправлял ей цветы. Много позже, когда работал уже в статусе ведущего на федеральных каналах, она говорила, что именно она дала мне дорогу в жизнь, сказав, что нужно куда-то там поехать и расти. Что она сказала мне на самом деле? «Из вас не получится диктора». Я тогда ответил, что диктор Орловского телевидения из меня не получится точно. А вот главный диктор телевидения России — вполне!

Барахолки по всей стране выглядели примерно одинаково: ряды стоящих и ряды ходящих. Потоки людей идут навстречу друг другу. Фарцовщики ходили с намерениями, можно было отойти и договориться. Все барахолки мира похожи друг на друга. Однажды, еще в Орле, я попытался стать участником процесса и продать полиэтиленовые пакеты «Мальборо». Брат моей жены учился в Москве. Там Первый медицинский институт — поляки, югославы. Они привозили сюда на фарцовку товар. Брат привез пакеты по три рубля (может, купил их по рублю) и сказал мне: «Иди продай 10 пакетов, ну что ты сидишь? Продавай по три пятьдесят — три рубля мне, а 50 копеек твои». Я как представил, что продам 10 пакетов и у меня будет пять рублей... Это же неделю можно спокойно жить! Уже есть маленький

ребенок, можно себе что-нибудь купить. И вот я пошел, иду и торгую. Ко мне подходит какая-то женщина и говорит: «Почем?» Я говорю: «Три пятьдесят». Она говорит: «И вы туда же». В смысле? «Вы тоже фарцуете, да? Вы же диктор Орловского телевидения. Как вам не стыдно?» И у меня сразу страх, разочарование, стыд — всё вместе. Но больше страх. Потому что если только она напишет на меня, что я фарцую, то уволят с работы сразу, даже не заявляя, что у меня нет таланта. Просто выгнали бы, а может, еще и дело завели бы за фарцовку.

Нельзя не сказать про джинсы «Леви Страусс» («Левайс» мы не произносили). Они стоили 160, 170, а какие-то и 190 рублей! Вначале мы купили джинсы жене, а потом в долг купили мне. Жене достались джинсы на размер меньше. Но тогда был способ: если джинсы маловаты, нужно сунуть их в горячую воду, надеть мокрые на себя и они должны на тебе высохнуть. Как бы сесть по тебе. Моя жена так и носила по фигурке. 150 рублей — нельзя было не взять.

В Москву я приезжал на повышение квалификации. На Профсоюзной работал югославский магазин «Ядран». Я там стоял в очереди, купил жене туфли на шпильке. Еще были магазин «Будапешт» в Кузьминках и «Белград» где-то на юге. И потом, существовали же комиссионки, в которых тоже нужно было иметь блат.

В разных республиках были инвалютные магазины под разными названиями. Но в Москве были «Березки». У меня чеков* не было, видимо, достаточно напуган был

* Чеки («боны»), сертификаты Внешпосылторга и ВТБ. Эта «параллельная», или «промежуточная», валюта использовалась в сети магазинов «Березка».